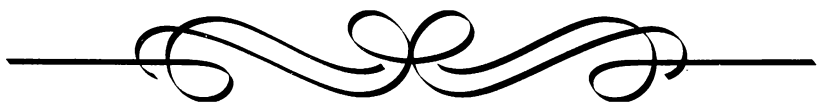

Глава III

Ранние годы Ивана

лена Глинская не сразу оправдала ожидания Василия; до рождения ее первого сына Ивана 25 августа 1530 года прошло пять лет, в течение которых она провела много времени в паломничествах по святым местам, надеясь на помощь неба при зачатии сына¹. (Были также подозрения и в неспособности Василия иметь детей.) Рождение Ивана и его брата Юрия 30 октября 1532 года было отмечено появлением между 1531 и 1533 годами трех комет, сильнейшими грозами и ужасной засухой 1533 года, которая продлилась три месяца и во время которой на протяжении четырех недель не было видно ни солнца, ни луны, путники не различали дороги и теряли из виду друг друга, и тяжелый воздух не позволял птицам расправить крылья². Известно, что в возрасте трех лет Иван страдал от нарыва, который был описан как проявление золотухи. Нарывы и чирьи являются признаком недостатка витамина В, а золотуха — туберкулеза. Поскольку в детстве и юности Иван был здоров и крепок, более вероятен первый вариант³.

Василий III скоропостижно скончался 4 февраля 1533 года в возрасте пятидесяти четырех лет, по всей видимости, в результате травмы, полученной на охоте и приведшей к заражению. Его старшему сыну еще не исполнилось три года, а младший был грудным ребенком. Во избежание затруднений при наследовании великий князь составил новое завещание⁴, учредив регентский совет из семи человек, в том числе членов

Боярской думы, хотя это были два разных органа. Он ввел туда новых членов, включая близкого ему боярина Михаила Юрьевича Захарьина и его племянника, М.В. Тучкова-Морозова, а также князя Ивана Васильевича Шуйского, представителя суздальского аристократического клана. Кроме того, Василий ввел в состав регентского совета дядю Елены, Михаила Львовича Глинского, несмотря на его длительное пребывание в тюрьме, потому что тот был родичем великой княгини, не претендовал на трон, и ему можно было доверить заботу о безопасности Елены и маленького Ивана⁵. (Быть может, Василий вспомнил о том, как он обошелся с молодым великим князем Дмитрием Ивановичем?) После трогательного прощания с безутешной вдовой и детьми Василий обратил свои мысли к вечности и захотел перед смертью постричься в монахи. Этот традиционный ритуал был отвергнут его отцом, Иваном III, который твердо заявил о своем намерении проститься с жизнью в ранге великого князя⁶.

Но Василий, в значительной степени подвергшийся духовному влиянию своего троюродного брата, Вассиана Патрикеева, настоял на том, чтобы ему дали возможность хотя бы умереть как монаху, несмотря на противодействие некоторых бояр, спрятавших от умирающего монашеское одеяние. В конце концов, вмешался митрополит, громовым голосом объявивший, что он не даст своего благословения тем, кто старается отвратить от него душу Василия, будь то в сем веке или в грядущем, и что позолоченное блюдо лучше самого хорошего серебряного. Когда Василий был уже в агонии, митрополит раздобыл монашеский наряд как раз вовремя, чтобы постричь великого князя под именем инок Варлаама⁷. Говорят, заключает историк Карамзин, что лицо Василия сразу осветилось и ужасное зловоние, издаваемое его раной, исчезло⁸.

Однако с восшествием на престол малолетнего наследника, за которого правила его мать — великая княгиня, недавно перевалившая двадцатилетний рубеж, влияние центральной власти ослабло. Неизвестно, по инициативе Елены или бояр, Дума в январе 1534 года пополнилась новым членом, князем Иваном Телепневым-Оболенским, и вскоре пошел слух, что он — любовник великой княгини. Действуя совместно с ней, Оболенский постарался устранить потенциальную опасность в лице младших братьев Василия III, Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого (которые вполне могли выступить в качестве соперников юного великого князя). Юрий пользовался популярностью, так что при неясных для нас обстоятельствах была задумана интрига, вследствие

которой он оказался втянутым в заговор с целью захвата престола. Как бы то ни было, 11 декабря 1534 года его арестовали вместе с его боярами и свитой и поместили в ту же дворцовую тюрьму, где в 1509 году окончил свои дни великий князь Дмитрий. Юрий умер от голода три года спустя. Другие князья бежали в Литву. Дядя великой княгини, Михаил Львович Глинский, высказался неодобрительно о ее политике или о ее личном поведении, или о том и о другом. Он был обвинен в попытке захватить власть и снова заточен своей племянницей в темницу, где на сей раз провел двенадцать лет, после чего умер от истощения. Следующим на очереди был Андрей Старицкий, в 1537 году предположительно обвиненный в заговоре, арестованный вместе с женой и малолетним сыном и закованный в цепи. Особо жестокая расправа была учинена над его боярами, подвергшимися, несмотря на их княжеские титулы, пыткам; около тридцати дворян из его свиты были высечены кнутом и повешены вдоль дороги, ведущей в Новгород. Но как члены великокняжеской семьи, и Юрий, и Андрей были с почестями погребены в Архангельском соборе в Кремле. Таким образом, потенциальные претенденты на трон были вовремя устранены, остался в живых только находившийся в заключении малолетний двоюродный брат Ивана, Владимир Андреевич Старицкий. Жестокость, проявленная властями при Елене, и бесчестие, нанесенное ряду князей из знатнейших фамилий публичными казнями без суда и следствия, понизили ее авторитет в общественном мнении, что привело к новым диким расправам с представителями высшей элиты⁹.

Трудно сказать, до какой степени политика правительства зависела от самой Елены. Во всяком случае, она включала ряд позитивных мер, как-то: учреждение выборной должности в провинциях для борьбы с разбоями (*губные старосты*), строительство новой стены укреплений вокруг Москвы, охватившей на этот раз так называемый Китай-город (посад), привлечение переселенцев из Литвы, выкуп пленных и денежную реформу, сопровождавшуюся чеканкой новой монеты — копейки. Затем в 1538 году эта довольно молодая и здоровая женщина, много времени проводившая в монастырях, по словам Герберштейна, умерла, по всей видимости, скоропостижно. Естественно, распространился слух, что она была отравлена¹⁰. Довольно скромные похороны состоялись в тот же день. Покойную, видимо, никто не оплакивал, за исключением, может быть, ее восьмилетнего сына.

Лишившись защиты матери, а с ее помощью и покровительства своих дядьев с материнской и отцовской стороны, юный Иван вступил теперь в тяжелый период своей жизни. Князь Василий Васильевич Шуйский, один из душеприказчиков Василия, захватил регентский совет в свои руки и в течение недели, несмотря на слезы Ивана, были арестованы и закованы в цепи его нянька, Аграфена Челяднина, сестра Телепнева-Оболенского и сам Оболенский. Агриппина* была сослана в Каргопольский монастырь, а Оболенскому была уготована та же участь, которой он подверг членов Ивановой семьи: его уморили голодом в темнице, куда он ранее заключил Михаила Глинского¹¹.

Именно к этому периоду относится собственный рассказ Ивана IV о том, что происходило с ним в последующие годы; этот рассказ заключен в его первом письме к князю А.М. Курбскому, написанном много лет спустя, в июле 1564 года¹². У нас нет оснований полагать, что версия событий, изложенная Иваном, более достоверна, чем приведенные в сохранившихся летописях, но в ней отражена его собственная точка зрения. После устранения Оболенского Иван чувствовал себя совершенно одиноким и незащищенным, *«ни откуду же промышления человеческого не приемлющее»*. Его брат Юрий был слишком мал, чтобы быть для него полезным, да и в любом случае не смог бы оказать ему никакой помощи, потому что был глухонемым от рождения. Возможно, у него не было умственных отклонений, но никто в то время не знал, как научить глухого ребенка общаться. Позднее он принимал участие в венчании Ивана на царство, разбрасывая золотые и серебряные монеты на пути своего брата в соборы Кремля, и сидел «в одном ярде» от Ивана, когда последний принимал в Кремле иностранных послов¹³.

Самые старшие и влиятельные из бояр, князь Василий Васильевич Шуйский и его брат Иван Васильевич, заправляли в Думе и вместе со своими присными самовольно захватывали и распределяли богатства и должности, не заботясь о малолетнем наследнике. Чтобы укрепить свою связь с великокняжеской семьей, Василий Шуйский в возрасте пятидесяти четырех лет женился на юной Анастасии, дочери крещеного татарского царевича Петра, зятя Василия III и одного из самых надежных доверенных лиц последнего. Василий Шуйский поселился во дворце князя Андрея Ивановича Старицкого (убитого, как было сказано

* Так у автора.

выше, по приказу Елены Глинской и Телепнева-Оболенского) и действовал «сонмищем шюгейским»¹⁴. Один из главных чиновников-дьяков, назначенный в регентский совет великим князем Василием, был предан жестокой и унижительной казни без суда и следствия. Князь Иван Федорович Бельский вышел из тюрьмы, куда его бросила регентша Елена, но Шуйские снова посадили его за решетку. К счастью, на самом подъеме своей власти Василий Шуйский скоропостижно умер, оставив главенствовать в совете брата Ивана Васильевича. Следующей жертвой стал митрополит Даниил, который был смещен без всякого согласования с церковным собором или боярами и заменен митрополитом Иосифом. Все эти придворные распри были вызваны исключительно борьбой за власть и раздаваемые богатства и земли, а отнюдь не политическими или идейными разногласиями.

Возможно, Иван описывает дурное обращение, от которого они с его братом Юрием страдали в то время, сгущенными красками, поскольку проявлявшиеся братьями Шуйскими, по его словам, неуважение и их неучтивое поведение глубоко задевали достоинство великого князя. Согласно более поздним воспоминаниям Ивана, его и Юрия плохо кормили, они были постоянно голодны и желания Ивана никогда не исполнялись. Он писал: *«Едино вспомянути: нам бо в юности детская играющее, а князь Иван Васильевич Шуйский седе на лавке, лохтем опершися о отца нашего постелю, ногу положи на стул»*. Шуйский грубо обращался с малолетним великим князем, он не склонял перед ним голову ни по-отечески, ни как слуга, ни как господин. *«И такова гордения кто может понести?»*, — восклицает юный Иван. Он рассказывает, как Иван Шуйский в ходе борьбы за власть в боярском совете арестовывал сторонников самого великого князя Ивана, например, князя Ивана Федоровича Бельского, ссылал и даже убивал их, изгнал митрополита Даниила, ворвался в его, Ивана, трапезную и схватил его любимца, боярина Ф.С. Воронцова, *«позоровав ... убити хотели»*. По иронии судьбы, жизнь Воронцову спасло заступничество вновь назначенного митрополита Макария, хотя немногим позже он был казнен уже по приказу Ивана. *«И тако ли годно... — восклицает Иван, — с нами холопу з государем ссылатися, и государю у холопа выпрашивати?»*¹⁵. В мае 1542 года умер последний из членов регентского совета, учрежденного Василием III, — Иван Васильевич Шуйский. Единственный оставшийся из князей Шуйских, Андрей Михайлович, был не в

состоянии обеспечить себе поддержку членов совета, и в 1543 году по персональному приказанию тринадцатилетнего великого князя его забили до смерти.

Об образовании Ивана мы можем только строить догадки. С малых лет он присутствовал вместе с матерью на приемах иноземных послов и однажды разговаривал с ними по-татарски. Была ли то случайно заученная наизусть фраза, или он действительно ребенком говорил на этом языке, мы не знаем. После смерти матери и ее любовника (если он вообще являлся таковым) некому было готовить князя к исполнению им его государственных обязанностей, у него не было, выражаясь по-современному, мужского типа поведения для подражания. Вполне допустимо, что его товарищами по играм при дворе были дети татарского царевича Петра, с которыми он мог, наверное, разговаривать по-татарски. Почти наверняка он пользовался татарским позднее, потому что при царском дворе и на службе в царском войске было много татар. Возможно, что еще одним товарищем Ивана после своего освобождения был юный Владимир Андреевич Старицкий, потому что между двоюродными братьями многие годы существовали дружеские отношения. Впоследствии, отлучаясь из столицы, Иван часто поручал Москву заботам Владимира, и его мать, зловещая княгиня Ефросинья, могла играть определенную роль при дворе, куда они были, в конце концов, допущены. Великий князь, будучи еще мальчиком, чтобы смешить его, был окружен, по всей вероятности, обычной толпой карликов и дураков, а также скоморохов (менестрелей, клоунов, шутов и пр.). Менее забавным и, скорее, предвещающим дурное будущее было детское развлечение князя, состоявшее в том, что он бросал животных с высоких башен, наблюдая, как они разбиваются о землю.

В отрочестве круг занятий Ивана расширился. Очевидно, он очень полюбил охоту и проводил массу времени, охотясь на медведей и других диких зверей. Записи его поездок в 1544, 1545 и 1546 годах показывают, что весной и летом он постоянно был в пути, и почти всегда его сопровождал брат Юрий, а часто и двоюродный брат, князь Владимир Старицкий. Выезды на охоту чередовались с поездками на богомолье в важнейшие монастыри, посещением церковных служб и раздачей милостыни и подарков для поминальных богослужений¹⁶.

21 мая 1545 года Иван отправился в Троицкий монастырь, затем в Переславль, откуда его спутники вернулись в Москву, а он посетил

еще Ростов, Кирилло-Белозерский монастырь, Ферапонтов монастырь, Вологду, Прилуцкий, Корнилов, Павлов и Усть-Борисоглебский монастыри. 15 сентября он снова был в Троицком монастыре, затем поехал в Александровскую слободу и в Можайск на охоту¹⁷. Возможно, во время своих странствий в 1545 году Иван виделся с Максимом Греком, который адресовал в этот период молодому великому князю два послания с советами, как управлять. Настоящий царь стоит за справедливость, издает хорошие законы и старается обуздать свои дурные страсти, а именно злобу, гнев и порывы непокорной плоти; его слух закрыт для клеветы¹⁸. Примерно в это же время священник Сильвестр также предостерегал юного князя, требуя от него отлучить от двора молодых людей, виновных в содомии¹⁹.

Судя по письмам Ивана к Курбскому и посланиям, которые он, вероятно, диктовал, ибо собственноручно писать в ту эпоху считалось делом недостойным, подобающим только приказным²⁰, царь хорошо знал Старый и Новый Заветы и апокрифы. В самом деле, он жил в окружении священников и ежедневно посещал многочисленные богослужения, и это делало его представление о мире глубоко религиозным. Язык Библии и ее проникнутые драматической символикой образы идеально подходили для его пылкого, поэтического и раздраженного воображения. Иван был также знаком со многими речами и проповедями отцов православной церкви и, вероятно, изучал катехизис и Псалтырь, которую слушал во время церковной службы так часто, что выучил наизусть. Похоже, что царь любил церковное пение. Умел ли он читать или истории читали ему другие? В конце концов, научиться читать не так уж трудно, даже если речь идет о русских рукописях шестнадцатого века.

В какой-то момент Иван, очевидно, познакомился со Сказанием о князьях Владимирских, поскольку оно является сюжетом одной из самых впечатляющих и рассчитанных на пропагандистский эффект настенных росписей Успенского собора в Кремле, а перечень русских князей, происходивших от брата императора Цезаря Августа Пруса, был включен в коронационную литургию Ивана. Было ли известно ему Сказание о Дракуле, основанное на биографии воеводы Влада Цепеша (т.е. Сажателя-на-кол) Дракулы, правившего в Валахии с 1456 по 1462 год и в 1477 году?²¹ Оно также могло повлиять на его отношение к подданным, тем более что по линии матери в тех краях у Ивана были

родственные связи. Примерно в 1458 — 1460 годах Влад Цепеш Дракула, уже прославившийся своей жестокостью, захватил Трансильванию, находившуюся тогда под властью Венгрии. Рассказы о его зверских расправах с жителями тамошних саксонских городов ходили при дворе венгерского короля Матияша Корвина. Записки о мрачных деяниях Дракулы были доставлены в швейцарский монастырь Санкт-Галлен католическими монахами, бежавшими от турецкого нашествия. Изобретение книгопечатания сделало ужасные повести о реальных или воображаемых жестокостях Дракулы бестселлером той эпохи в германоязычном мире²².

Федор Курицын, отправленный Иваном III в 1482 — 1484 годах с посольством к Матияшу Корвину Венгерскому и Стефану Великому Молдавскому, встречался в Буде с вдовой и детьми Влада Цепеша Дракулы и, возможно, занимался собственными поисками истины о нем. Ряд сказаний из повестей о Дракуле, написанных на церковнославянском языке, который был письменным языком в Валахии, оказался в Белозерском монастыре, занесенный туда то ли православными монахами, спасающимися от турок, то ли самим Курицыным. Эти повести были собраны Ефросином, известным переписчиком и позднее настоятелем монастыря. Они представляют Дракулу в несколько ином свете, как сурового правителя, проявлявшего жестокость не ради нее самой, а ради своих подданных²³.

Как мы знаем, Иван часто посещал этот монастырь, и вполне вероятно, что он читал эти сказания или ему читали их вслух. В общем, эти произведения относятся, скорее, к фольклорным и пропагандистским, а не к историческим. Они вписываются в поток пропагандистской литературы, порожденный постоянными кровавыми войнами между различными этническими группами (немцами, валахами, поляками, венграми, турками) и широкими волнами расходившийся в народе, который жил в постоянном страхе перед завтрашним днем и потусторонними силами. Такая форма казни врагов, как сажание на кол, могла быть позаимствована Иваном позднее у Османской империи через Валахию и повести о Владе Сажателе-на-кол. Не замечено, чтобы она использовалась русскими государями до или после Ивана. Последний применял ее не очень широко, главным образом в тех случаях, когда он испытывал особое чувство личной мести, а также к боярам и дворянам, бежавшим в Литву. Несложное размышление показывает, что

это был не совсем подходящий способ для массовых казней, и на самом деле не существует сведений о сажании на кол в России, аналогичных столь же маловероятным сведениям о казнях, проводившихся, пока Влад Цепеш сидел за ужином. Представитель английской Русской компании Джером Горсей рассказывает об одном таком случае и для пущей убедительности добавляет, что жену жертвы заставили наблюдать предсмертные муки ее супруга, а затем она была изнасилована сотней стрельцов — во что тоже трудно поверить²⁴.

Чтением Ивана в детстве и в юности были, вероятно, истории о героических деяниях государей прошлого, подобные Повести о победе Дмитрия Донского над татарами в 1380 году и роману об Александре (он рассказывал об Александре Великом и был очень популярен в Европе), а также былины и сказки. Часто читались сюжеты о царствии последнего императора и Антихриста, предвещавшего конец света и окончание века, как и Назидания о втором пришествии Христа, приписываемые Ефрему Сирину, и Сказание о Христе и Антихристе, автором которого считался Ипполит Римский. Пугающая тема конца света была подхвачена в связи с падением Константинополя, например, в Повести о падении Царьграда, в которой вернувшийся император наносит поражение измаильтянам и коронуется в последние дни в церкви святой Софии. В какой-то момент Иван, вероятно, познакомился с сочинением Тайная тайных, зеркалом государей, которое якобы написал Аристотель для обучения Александра Великого²⁵. Судя по письмам к Курбскому, Ивану были известны сюжеты из Илиады²⁶. Он, несомненно, знал *Четьи-Минеи*, то есть Месяцеслов, включающий сборники извлечений из Библии, апокрифы, писания святых отцов, речи и проповеди, сгруппированные по датам христианского календаря. В определенном возрасте Иван должен был познакомиться с хронографами, рассказывавшими о всемирной истории, и с летописями, материал для которых собирали при дворе и часть из которых составляли, по всей вероятности, в ведомстве по иностранным делам. Умел ли Иван писать? Записей, которые можно было бы считать сделанными его рукой, не сохранилось, но это ничего не доказывает²⁷.

В своем первом письме Курбскому, написанном в 1564 году, Иван намекает на недостойные преследования, юношеский вандализм, возможно, охоту за женщинами с шайкой подростков и несоблюдение церковных ритуалов²⁸, а в своей Истории Ивана IV Курбский обвиняет

царя в прямом разбое и других злодействах, *«о которых говорить не стоит, да и стыдно»*²⁹. Кроме собственных признаний Ивана, почти ничего не свидетельствует о его дурном поведении, однако существует ряд документов, смутно указывающих на гораздо более серьезные проступки. В них говорится о том, что, когда в 1546-м и в начале 1547 года Иван готовился к женитьбе и коронации, он учинил жесточайшую расправу с некоторыми из своих друзей.

Источником является *выпись*, то есть заметка о втором браке Василия III. В этот документ включено так называемое «пророчество задним числом», приписываемое некоему восточному патриарху, который предсказал, что плодом прелюбодейного союза, каковым является вторая женитьба Василия, будет *«мучитель и грабитель чужой собственности»*. Он также описывал кровавые казни некоторых князей. В июле 1546 года Иван был со своим войском в Коломне и там для развлечения солдат казнил перед строем троих бояр, в том числе Ф.С. Воронцова, которому некогда спас жизнь митрополит Макарий, заступившись за него перед Шуйским. «Пророчество» патриарха подтверждается записями в местных летописях, сообщающими, что в 1547 году, когда Иван выбирал себе невесту на смотринах, он также приказал казнить сына Телепнева-Оболенского, который был посажен на кол перед стенами Кремля, и обезглавить племянника Оболенского *«по просьбе его [Ивана] дяди, Михаила Васильевича Глинского и его матери Анны»*. Пятнадцатилетний князь, к неудовольствию Курбского, был также предан смерти³⁰.

Ограниченное влияние на воспитание и формирование Ивана как личности мог иметь митрополит Макарий. Он родился около 1480 года в семье, вероятно не принадлежавшей к военному сословию, и был поставлен митрополитом в 1542 году, когда ему уже шел седьмой десяток. Свою карьеру он начал монахом Боровско-Пафнутьева монастыря, где в 70-е годы находился центр иконописной школы, связываемой с именем чернеца Дионисия. Здесь, возможно, Макарий усвоил основы иконописи, и здесь сформировались его духовные и эстетические представления. Проведя некоторое время в Можайске, в 1526 году Макарий, по всей видимости, по желанию Василия III был назначен архиепископом Новгородским — до него эта кафедра пустовала на протяжении семнадцати лет. Макарий был рьяным поборником главенства Москвы и умеренным сторонником Иосифа Волоцкого; он немедленно приступил к основанию монашеских

общин в Новгороде и был защитником права монастырей на земельную собственность. Он способствовал также строительству многих церквей, которое почти прекратилось в Новгороде после окончательного разорения города Иваном III в 1478 году. В качестве владыки Новгородского Макарий заслужил расположение новгородцев тем, что в полной мере использовал привилегию Церкви заступаться за узников, бедных и сирот, а также лиц, находящихся в опале у московской власти.

В своем стремлении поднять уровень русской культуры Макарий, по его собственному признанию, собрал и переписал все доступные ему божественные писания: Святое Евангелие, Святой Апостол (Деяния и письма апостолов), три великие Псалтыри, книги св. Иоанна Златоуста (Хризостома), Василия Великого и Григория Богослова, Иудейскую войну Иосифа, извлечения из трудов Иосифа Волоцкого, все книги пророков и апостолов, апокрифы, жития святых и мучеников, сочинения отцов Церкви и даже жития новых святых, канонизацией которых занимался сам Макарий. Все эти произведения он объединил в двенадцать книг для чтения на протяжении двенадцати месяцев, образовав тем самым Великий месяцеслов (Великие Четьи-Минеи). Как поясняет Макарий, первое собрание из двенадцати книг было подготовлено им за те двенадцать лет, что он занимал пост архиепископа Новгородского³¹. Один экземпляр он послал великому князю, и есть доказательства, что Иван IV позднее использовал включенные в это собрание тексты³².

Не исключено, что благодаря Макарию Иван мог познакомиться с так называемыми Стихами покаянными, жанром, который развился на протяжении пятнадцатого — шестнадцатого веков и стал самостоятельной формой литературного творчества. Это были гимны, предназначенные для пения в великие праздники и посвященные мимолетности жизни и греховности смертных, они служили приготовлению души к переходу в иной мир. Эти проникновенные поэмы наверняка должны были находить отклик в душе человека, обладавшего таким темпераментом, как царь Иван, по крайней мере, в нашем представлении.

Слезы лил Адам, возле рая сидя:
«Рай, ты мой рай, о прекрасный мой рай!
Меня ради, рай, сотворен ты был,
А из-за Евы, рай, затворен ты был.
Увы мне, грешнику,

Увы ослушнику!
Согрешил я, господи, согрешил
И ослушался заповеди.
Не видеть мне больше райской пищи,
Не слышать архангельского гласа.
Согрешил я, господи, согрешил,
Боже милостивый, помилуй мя, падшего»³³.

Взойдя в 1542 году на русский митрополичий престол, Макарий стал играть важную роль при дворе юного Ивана. Трудно себе представить, чтобы духовное лицо такого ранга и с такими культурными наклонностями могло оставаться в стороне от воспитания молодого князя, которому было двенадцать лет, и не предпринимало никаких шагов для его образования. Нет никаких сомнений в том, что, по крайней мере, до 1560 года Иван относился к Макарию с большим уважением и даже питал к нему привязанность³⁴. По мнению Успенского, это был самый влиятельный митрополит в русской истории, один из немногих, кто оставался на своем посту до самой смерти в 1563 году, а не покинул его добровольно или по принуждению³⁵. Перебравшись в Москву, он расширил число работавших там квалифицированных переписчиков, и таким образом его работа по распространению знаний двигалась вперед³⁶. Возможно также, что по инициативе Макария Сильвестр был назначен священником Успенского собора в Кремле.

Иван достиг совершеннолетия в 1545 году, когда ему исполнилось пятнадцать, но бразды правления по-прежнему находились в руках других. При дворе заправляли его бабушка, княгиня Анна Глинская, и двое ее сыновей, оставшихся в живых, Михаил и Юрий. Они, как и прежде, занимались устранением высших чинов при дворе Ивана, в частности, дворецкого (мажордома) и конюшего, чьи места хотели занять сами, а также других его слуг, которые были казнены. Глинские помышляли и о мести за их двоюродного деда Михаила Львовича.

Совершеннолетие Ивана ускорило созыв совместного заседания Боярской думы, церковного синода и великого князя для обсуждения вопроса о его коронации, в частности, титуле, и о его женитьбе. Оно состоялось 13 декабря 1546 года. Во время предыдущей коронации великого князя Дмитрия в 1498 году молодой человек был наречен великим князем и цезарем по его прадеду Августу, а корона была возложена на

него Иваном III. Главное и наиболее значительное отличие коронации Ивана IV состояло в его наименовании «царем», а не великим князем, причем эта церемония еще более напоминала восточноримские ритуалы, чем предыдущие. Неизвестно, кто был автором этой инициативы — сам Иван, отлично сознающий необходимость любыми пригодными средствами утвердить свое превосходство над собственной родней и боярами, митрополит Макарий, стремящийся подчеркнуть роль Руси наделением титула, до того использовавшегося лишь периодически, религиозным благословением, или даже Глинские, намеревавшиеся урезать полномочия великого князя. Не исключено, что в основе идеи лежало желание уравновесить значение императора Священной Римской империи как светского главы западнхристианского мира властью светского главы христианского мира на Востоке, пока таким косвенным и не до конца последовательным способом, но уже с мыслью о перспективе русского положения в Европе.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление по поводу трудностей, возникающих перед историком ввиду отсутствия точных переводов многих русских слов, описывающих политические идеи или учреждения и имеющих, между прочим, разный смысл и значение в зависимости от места и времени употребления. Как раз одно из таких труднопереводимых понятий — слово «царь». Оно происходит от слова «цезарь», то есть титула, первоначально принадлежавшего римским императорам начиная с Цезаря Августа³⁷. С течением времени титулом Август наделался только старший император, правивший в Константинополе, а Цезарем именовался младший, если императоров было два. Однако в русском языке понятие «царь» прилагалось только к старшему императору, жившему в имперской столице, Царьграде, а в дальнейшем также к правителю Золотой Орды, царям Ветхого Завета, к библейской книге Царств и восточным владыкам. (Императора Священной Римской империи на Западе [русские] называли цесарем.) Другие европейские властители именовались князьями, что обычно переводится как *prince*, но происходит от германского *Kuningaz* (король); а также королями, — словом, образовавшимся от имени Карла Великого. Таким образом, понятие «царь» первоначально означало независимого правителя, который никому не подчинен и может быть королем отдельного народа или страны, как в Библии, либо императором, управляющим многими народами, как византийский император, обладающий харизмой, как

государь, избранный, венчанный и помазанный Богом³⁸. Это был такой род правителя, который обозначается формулой *imperator in regno suo**, использовавшейся Филиппом Красивым во Франции и Генрихом VIII в Англии³⁹.

Переход Восточной Римской империи под власть османов дал повод русскому великому князю, единственному православному властителю, остававшемуся независимым, задуматься над своим титулом, так что и Иван III, и Василий III стали иногда использовать титул «царь», особенно в сношениях с небольшими государствами, такими, как Ливония. Василий III не использовал его в переговорах со Священной Римской империей, но однажды, в 1514 году, император Максимилиан I неосторожно обратился к нему как к «кайзеру», что стало прецедентом, взятым великим князем на заметку⁴⁰. Однако, хотя исчезновение Восточной империи, несомненно, дало возможность единственной остающейся независимой православной державе претендовать на императорский титул и быть признанной в этом качестве и на Востоке, и на Западе, этот шаг должен был быть тщательно подготовлен, так как другие европейские государства не замедлили бы выразить свой протест. Упрочение положения великокняжеской фамилии и тот факт, что за пределами Руси мало кто признавал истинное значение слова «царь», которое происходило от титула «цезарь» и вовсе не было таинственным восточным понятием, побудили митрополита Макария, с учетом растущих церковных и политических амбиций русских иерархов, предложить или согласиться пойти на этот шаг.

16 января 1547 года, когда Ивану было шестнадцать лет, в Успенском соборе, кафедральном соборе митрополии, состоялось его венчание на царство. Церемония была явным подражанием восточноримским обычаям, описанным в греческих текстах, в переводе ходивших в русских монашеских кругах. Русский диакон Игнатий, побывавший в Константинополе, оставил описание коронации императора Мануила Палеолога и его супруги в 1392 году; кроме того, имелся прецедент, а именно коронование великого князя Дмитрия Ивановича в 1498 году. Описание ритуала венчания на царство сохранилось в нескольких версиях, зафиксированных позднее, вероятно, Макарием, который был автором окончательного варианта церемонии⁴¹. В день венчания все участники

* Император в своих владениях (лат.).

обряда надели праздничные наряды, а царские регалии были доставлены в собор, где Макарий благословил их. Затем они были разложены на помосте, на котором, возвышаясь на двенадцать шагов от земли, стояли также два трона: один — для великого князя, другой — для митрополита. Иван явился в собор в сопровождении брата и других родственников под звуки пения «многолетия» — музыкальные инструменты в православном богослужении не используются. Макарий сидел на троне, а Иван стоял перед ним. Следует заметить, что историки обычно говорят о венчании Ивана на Московское царство, в то время как, стоя перед митрополитом, он просил короновать его, в соответствии с обычаем предков, венцом великого князя Владимирского, Новгородского и Московского, а также царя всея Руси. Таким образом, подчеркивались всегдашние династические притязания Рюриковичей и первенство Владимира перед всеми русскими городами. Затем Иван провозгласил, что желает быть *«венчан и помазан царем согласно нашему древнему обычаю»*. Макарий совершил действие, объявив его *«венчанным и помазанным и титулованным великим князем Иваном Васильевичем, боговенчанным Царем и самодержцем всей великой Руси»*⁴².

Центральным пунктом церемонии венчания на русское царство явилось вручение регалий, которые были якобы подарены императором Константином Мономахом своему внуку, великому князю Владимиру Мономаху Киевскому. К ним относились шапка Мономаха (использовавшаяся в качестве короны шапка монгольского типа, отороченная мехом и украшенная драгоценными камнями), скипетр, сердоликовая чаша, части Честного Креста и барма (то есть наплечная накидка). Через несколько лет после коронации в Успенском соборе был установлен «трон Мономаха», получивший известность как «царское место». Он представлял собой громоздкую конструкцию из резного дерева, опирающуюся на четыре фигуры львов и украшенную барельефами с изображением истории о том, как император Константин Мономах отправил к великому князю Владимиру послов с просьбой о мире и подарками⁴³.

Увенчав голову Ивана шапкой Мономаха и вручив ему прочие регалии, Макарий произнес длинную речь о царских обязанностях и изложил в общих чертах тогдашнее мнение русской церкви относительно того, как они должны исполняться. В «заповеди» Макария, опиравшейся на целый ряд библейских, греческих и русских источников, было подчер-

кнута равноправие церкви и царя: корону вручает Бог через посредничество митрополита, который подтверждает потомственные права царя. Макарий не делает различий между обязанностями царя по отношению к обществу и по отношению к церкви. Царь должен править своим государством, руководствуясь Божьим законом, и вершить суд над всеми от мала до велика, карая и награждая по законам, установленным Богом. Макарий цитирует послание Агапита к Юстиниану и другие греческие тексты, чтобы подчеркнуть божественную природу царя, который правит справедливо и милостиво, соблюдая закон, а также его обязанность защищать православную веру и искоренять ереси⁴⁴. Агапит учил, что император получает власть от Бога; ему дается скипетр царства земного и одновременно царствия небесного. *«Телесно он подобен всем смертным, но своей властью он подобен Богу»*. Следовательно, он должен быть достоин этой власти. Грехи императора приносят вред не только ему самому, но и всему его царству, поэтому он должен подавлять свои низменные помыслы. *«Бог, — говорит Агапит, — даровал императору власть, чтобы он наставлял народ в справедливости, поэтому он должен основать свое правление на правде»*. Весь смысл высшей власти заключается в том, чтобы привить подданным понятие закона. Для этого император сам должен быть проникнут пониманием как земного, так и божественного закона. В самом деле, власть царя ничем не ограничена, потому что никто не может заставить его соблюдать закон. Однако для того чтобы требовать подчинения закону от других, он сам должен склоняться перед ним. Конечно, речь шла не о каких-то институциональных ограничениях царской власти, а о собственном самоограничении царя⁴⁵. В одном случае Макарий делает особую оговорку: царь должен награждать и защищать своих бояр и вельмож сообразно степени их знатности, а также быть доступным, милостивым и радушным согласно своему царскому званию и положению по отношению к князьям, служилым князьям и служилой знати, как и всему христолюбивому воинству⁴⁶. Иван, безусловно, соблюдал это требование применительно к своей родне: его бабка, княгиня Анна Глинская, получила в удел обширные владения; дядя Михаил Васильевич был назначен конюшим, а другой дядя, Юрий, получил чин боярина⁴⁷.

Но при всей значительности греческого влияния существовало фундаментальное различие между восточноримским и русским пониманием взаимоотношений между церковью и царем. По выразительному заме-

чанию Успенского, в Византии функции царя и патриарха (который в России назначался с 1598 года) регулировались специальными правовыми постановлениями, в то время как в России они рассматривались как проявления особой харизмы, харизмы власти. Все полномочия, выраженные в юридических формулах, стали харизматическими полномочиями, симфония власти стала симфонией харизмы⁴⁸.

Не довольствуясь получением короны из рук митрополита, Иван решил упрочить свое положение и значение, обратившись за благословением его права на царский титул, то есть титул цезаря, к патриарху Константинопольскому. После длительных переговоров он, наконец, получил в 1561 году от патриарха подтверждение своего титула с разъяснением, что короновать царя имеют право только два патриарха — Римский и Константинопольский, но не митрополит. В послании Ивану было предложено получить корону повторно из рук митрополита Халкидского, патриаршего эмиссара, доставившего послание в Москву. Иван хладнокровно проигнорировал эту часть письма и приказал исправить греческий текст в русском переводе, чтобы дело выглядело таким образом, будто патриарх одобрил венчание Ивана по своей инициативе, а не по просьбе последнего. Он также включил пункт о том, что не только народ обязан повиноваться царю, но и князья в особенности должны хранить послушание ему, идея, которую в 1561 году выдвигал священник Сильвестр⁴⁹. Хотя патриаршее одобрение теоретически мало что прибавляло к власти Ивана, оно, несомненно, повысило духовный авторитет русского царя в православном мире.

Макарий, который, по всей видимости, оказывал в то время на молодого царя большое нравственное влияние, был, вероятно, также одним из тех, кто настоял на его женитьбе с целью отвратить его от дурной компании. В тот же самый день, 13 декабря 1546 года, когда на заседании объединенного совета обсуждался вопрос о коронации Ивана, молодой великий князь, поднявшись, объявил о своем желании жениться. Сначала он хотел взять невесту из какой-либо иностранной королевской или императорской фамилии, но, как он сказал, поскольку у него нет собственной семьи в России, то в случае, если отношения с будущей женой не заладятся, он будет чувствовать себя очень одиноким. Поэтому он решил найти русскую невесту.

Сразу были устроены смотрины. Для этого, разумеется, потребовалось время и тщательная подготовка. Следовало известить подходящие

семьи князей, бояр и зажиточных горожан в провинциальных городах о необходимости обследовать их дочерей брачного возраста. Дочери придворных вельмож и рядовых придворных могли быть обследованы в Москве. Примерно 12 — 18 декабря 1546 года были разосланы приказы окольничим, князьям и боярам, которые должны были отправиться по двадцати восьми городам, от Ростова до Костромы и от Ярославля до Новгорода, чтобы осмотреть собранных там девиц. Одновременно местным князьям и служилой знати были посланы письма, извещавшие о предстоящих смотринах: *«Велел есми [царь] смотреити у вас дочерей девок, нам невесты ... а которой дочь девку у себя утаит, и тому быть в великой опале и в казни»*⁵⁰.

Реакция провинциальной знати представляется несколько прохладной. Князь И.С. Мезецкой и дьяк Г. Шенка Белый в начале января 1547 года докладывали, что за две недели их пребывания в Вязьме ни один князь или служилый человек не представил своих дочерей, а в семьях горожан все они были слишком малы. Они смогли представить только одну подходящую девицу. Эти письма явно доставлялись самому Ивану, который следил за ходом смотрин с неподдельным интересом⁵¹. В конце концов, его выбор пал на Анастасию Романовну Юрьеву-Захарьину, племянницу боярина Михаила Юрьевича Захарьина, одного из душеприказчиков Василия III и члена регентского совета, скончавшегося в 1539 году. Можно только гадать о том, было ли решение принято заранее и знал ли Иван девушку до этого. Преимущество данного выбора состояло в том, что зыбкое придворное равновесие не нарушалось вторжением новой боярской семьи, потому что родня невесты уже находилась при дворе. Чем руководствовался Иван, выбирая Анастасию, неизвестно, но с личной точки зрения это был превосходный выбор, хотя он, конечно, нарушил баланс, существовавший между Юрьевыми-Захарьиными и Глинскими⁵².

Свадьба была отпразднована с должной пышностью 3 февраля 1547 года. Согласно русскому обычаю торжества продлились три дня. Свадьбы принадлежали к числу тех событий придворной жизни, в которых активно участвовали замужние женщины. Заметную роль играла княгиня Ефросинья Старицкая, а также ее сын и многие другие князья, бояре и их жены. Места у брачного ложа заняли два человека, Алексей и Даниил Адашевы, которым было суждено большое будущее. Алексей вместе с другими высокопоставленными боярами сопровождал также

царя в баню накануне свадьбы. Митрополит Макарий обратился к ново-брачным с наставлением, в котором призывал молодую пару посещать церкви и остроги, возлюбить своих домашних, уважать священников, проявлять щедрость к боярам и народу, не прислушиваться к клевете, соблюдать воскресенья, все церковные праздники и посты и вступать в супружескую связь только в благоприятные дни⁵³.

По-видимому, Ивану так понравилось быть женатым, что он захотел разделить это чувство с братом, пятнадцатилетним Юрием. На близость к Ивану в это время Алексея Адашева указывает и его присутствие вместе с женой на свадьбе Юрия 3 ноября 1547 года. Юрий, несомненно, страдал от физических недостатков, но он был в состоянии вести семейную жизнь. Еще в сентябре, после переговоров с Макарием, Иван приказал боярам и князьям доставить ко двору дочерей, и в ходе смотрин Юрий высказал свое предпочтение княжне Ульяне Палецкой. Царь назначил шаферов, в том числе одного боярина, а их жены были подружками невесты. У брачного ложа находились два высших должностных лица и три высокопоставленные особы женского пола, одной из них была жена Адашева. Другие бояре должны были мыться в бане с женихом и готовить ложе, здесь мы снова встречаем Адашева и его брата Даниила. Что поражает в описании этих свадеб, это активное участие в них женщин-боярынь, а в случае со свадьбой Юрия и самой царицы, причесывавшей новобрачных, в то время как Иван обнял их и осыпал подарками. На следующий день после ужина были устроены увеселения⁵⁴.

В ноябре царь дал разрешение на брак своего двоюродного брата, князя Владимира Старицкого (хотя у него самого еще не было наследников мужского пола), но свадьба была отложена из-за намеченного похода на Казань. Боярам и князьям снова было велено представить дочерей на смотрины, состоявшиеся 24 мая 1550 года. Князь Владимир выбрал девицу из рода Нагих, и свадьба состоялась 31 мая с подобными же церемониями в присутствии нескольких бояр и знатных матрон.

Исследований, посвященных русскому двору как политическому или социальному институту, наподобие тех, которые имеются во французской или английской историографии, не существует; никто не попытался также дать подробное изображение одного дня из жизни царя⁵⁵. Таким образом, в наших представлениях о жизни Ивана имеется существенный пробел. Сохранились отдельные придворные реестры, включающие имена некоторых из его личных слуг, откуда видно, что многие служили ему годами.

Один из его камердинеров, Истома Осипович Безобразов, прослужил двадцать два года. Придворные, находившиеся в личном услужении у царя: чашники, кравчие, прислуга, подавальщики, дегустаторы, камердинеры в спальне, дворцовая стража, хранители казны, поставщики продуктов, украшений и одежды, — имели титулы, трудно переводимые с русского на английский язык, однако они примерно соответствуют обозначениям тех же функций, которые выполнялись и при европейских дворах. В личную прислугу царя входили *постельничие*, то есть камердинеры, *спальники*, или служители при спальне, *стольники*, прислуживавшие за столом во время пиров двум-трем сотням человек, *чашники*, то есть слуги, наливавшие напитки. Но были и другие — дегустаторы, прачки, повара, о которых нам ничего не известно. Заготовкой продуктов и приготовлением пищи для царской фамилии, пиров и солдат, охраняющих дворец, наверняка занималось множество людей. Вне стен дворца было также много прислуги: конюхи, ловчие, псары, сокольники, кучера и пр. и около трех тысяч жильцов, дворян высшего ранга, составлявших низший придворный чин и отвечавших за охрану Кремля, они являлись также рядовыми главного полка в войске. Конюший отвечал за состояние многочисленных лошадей.

У царицы тоже были свои фрейлины, ключницы, мамки и няньки и даже собственные бояре. Она и ее придворные дамы редко участвовали в публичных пиршествах, обычно это случалось лишь по поводу свадеб и крестин, однако им приходилось много путешествовать вместе с царем — иногда, во время паломничеств, пешком — и претерпевать значительные неудобства. Главная резиденция царя находилась внутри Кремля, на обширной, окруженной стенами территории, где располагались три важнейших собора, много других церквей и несколько монастырей, а также дворцы царя и множества вельмож. По сравнению с образчиками западной архитектуры русские дворцовые строения отличались полным сумбуром. Воздвигались отдельные здания, каждое из которых имело собственное назначение, окна и крышу особой формы и соединялось с соседними системой сеней, коридоров, спусков, галерей и лестниц. В качестве наиболее характерного примера такого сооружения можно назвать значительно более поздний деревянный дворец в Коломенском.

В Кремле деревянные постройки начали вытесняться каменными, в частности, при Иване III была воздвигнута Грановитая палата, где устраивались пиры. Здесь находились также трапезная и ряд приказных

зданий. В соседнем помещении располагалась Брусная палата, где Иван устраивал неофициальные приемы для иностранных послов и гостей и где заседала Боярская дума, а также Золотая палата (она получила свое название благодаря золотому фону фресок, украшавших ее стены), тоже служившая для приема чужеземных посланцев. В каждом зале для царя стоял трон, возвышавшийся на богато украшенном коврами постаменте в углу, где висели иконы. Это напоминало о расположении трона в имперском тронном зале в Константинополе, откуда следует, что данный обычай мог быть введен Софьей Палеолог или позаимствован Иваном III у османских правителей⁵⁶. В Золотой палате, справа от Иванова трона, находилась икона Господа-воителя со скипетром, а слева изображение Иосафа, беседующего с Варлаамом в пустыне⁵⁷. Вокруг стен стояли скамьи, покрытые бархатом или камчатой тканью; бояре усаживались на них в порядке, строго определенном местническим обычаем. Во время аудиенций иностранные послы пребывали в неподвижном безмолвии, чему немало дивились. На этих приемах часто присутствовали татарские царевичи, особенно если речь шла об аудиенции татарских посланников, этим подчеркивалось радикальное изменение ситуации, при которой уже Россия распределяла троны между различными претендентами. Двое или четверо рынд в белых одеждах окружали царя на расстоянии, определявшемся в соответствии с их положением на местнической лестнице. Для дипломатической практики такое присутствие на церемонии вооруженных людей являлось необычным, но, как было объяснено папскому посланцу Антонио Поссевино в 1579 году, по традиции, восходящей к императору Мануилу Палеологу, они находились там не для охраны, а для пущей внушительности.

Царь принимал чужеземцев в своем большом или малом наряде; и тот и другой были украшены драгоценными камнями и большим количеством золота, но малый наряд весил меньше. На голову царь надевал драгоценную корону, а позади него на скамью иногда выкладывали венцы отдельных управляемых им царств, например, Казани, так что на протяжении пира он мог менять их. От иностранных послов не требовалось падать ниц и даже становиться на колени, они должны были лишь отдать поклон.

Официальные пиры для чужеземных посольств играли в жизни двора значительную роль. На них присутствовали до двухсот бояр и дворян в украшенных золотом нарядах, сидевших на скамьях вдоль

стен зала. Иван помещался на возвышении в первые годы один, позднее вместе с сыновьями. Столы были застланы скатертями, но ни блюд, ни салфеток не было. Из столовых приборов полагались только ложка и кубок для питья. Ножи гости приносили с собой. Три или четыре человека брали пищу прямо с большого, обычно золотого блюда, которое стояло перед ними. Блюда вносили трое-четверо слуг. Мясо нарезали на куски, и гости помогали себе при еде руками, как это было повсеместно принято в ту эпоху в Европе. Пользование вилками при дворах не было распространено. Питание в России, по отзывам, было довольно однообразным, в него входило вареное, печеное или жареное мясо, всевозможные пироги, свежая и соленая рыба и «коренья», как называли обычно овощи, обильно приправленные луком и чесноком. В большом ходу были блюда из птицы и яйца, но не в постные дни, кроме того, приготавливали различные сладости с использованием меда, муки, ягод и фруктов⁵⁸. Вместо лимонов употребляли сметану. Во время поста молочные продукты есть было запрещено.

Личные апартаменты царя, или терем, обычно находились на верхних этажах, а помещения, предназначенные для цариц и их детей, обычно строились из дерева, лучше сохраняющего тепло, чем камень. В них были предусмотрены собственные часовни и бани. На первом этаже хранились обильные запасы, включая богатые одежды из золотой парчи, выдаваемые боярам для официальных приемов. В жилых комнатах развешивали ковры и гобелены; там было, разумеется, множество икон, но кроме того, и настенная живопись, и фрески, изображающие сцены из Библии, исторические эпизоды, времена года, и, кроме того, прообразы будущих портретов. В доме держали канареек и других певчих птиц, а также попугаев.

Была ли здесь библиотека? Речь не идет об особой комнате с книжными полками, где можно было бы удобно расположиться для чтения. Однако у царя, вероятно, имелось собрание рукописей, часто на греческом языке, как те, с которыми работал Максим Грек, но и на церковнославянском, и на русском языке того времени. Их собирали предшественники Ивана, а некоторые, возможно, привезла с собой Софья Палеолог. Иван получал книги в подарок от иностранных послов и других гостей и, кроме того, заказывал их переписчикам. Здесь были рукописные копии различных книг Библии, апокрифы, пророчества Еноха или Ездры, и все они хранились, вероятно, в личной казне Ивана

или там, где ему было удобно читать и пользоваться ими, если он умел читать. Греческий текст «Константинова Дара», полностью процитированный в шестидесятой главе Стоглава (см. главу V), был похищен польским гарнизоном из царской сокровищницы в Кремле в 1611 году и передан в подарок папе польским королем в 1633 году.

Конечно, много рукописей хранилось и в монастырях, откуда царь брал нужные для себя книги и которым он дарил копии других книг⁵⁹. Сохранились посмертные перечни личного имущества Ивана и опись его архивов 70-х годов XVI века, но там нет никаких упоминаний о книгах. В то же время перечень личных хранилищ царей Федора Ивановича (правил в 1584 – 1598 годах), Бориса Годунова (1598 – 1605) и Василия Шуйского (1606 – 1611), составленный в 1611 году, насчитывает 53 названия манускриптов и печатных книг⁶⁰. Одним из самых существенных различий между Россией и Западом был недостаток дневного света. Зимой темноло в три часа пополудни; днем свет еще проникал через слюдяные окна (стекло еще мало использовалось), но вечером зажигали многочисленные светильники и свечи — потребление воска было огромным. Доступ к царю через Красное крыльцо имели только бояре и другие должностные лица или члены Думы, здесь постоянно находилась стража. Значительную часть царского досуга занимали церковные службы. Иван был набожным и даже, по всей видимости, по-своему глубоко верующим человеком, искавшим в церкви отдушину в периоды личных и политических кризисов.

Много времени царь проводил в путешествиях по монастырям, селам и поместьям, принадлежащим ему и его родственникам, а также конфискованным им в свою пользу. Он следил за их содержанием и пользовался их ресурсами. Монастыри должны были предоставлять соответствующие помещения и запасы, поскольку царь обычно возил с собой жену и детей с их челядью, а также других членов семьи, например, брата Юрия с его женой и свитой, а иногда двоюродного брата Владимира Старицкого и многих бояр. Путешествия перемежались поездками на охоту. Как и в Англии, и в большинстве других стран, переезды из одного поместья в другое имели целью не только потребление местных продуктов. Помещения, занимаемые множеством придворных и вооруженной охраной, всякий раз спустя несколько недель нуждались в уборке и проветривании с помощью ароматических трав за отсутствием в то время других санитарных средств.